

FEATURES OF TRANSLATION OF THE CONCEPTS "DUTY / CONSCIENCE" IN THE STORY BY M. DOST "A SHORT MUSTAFA" INTO RUSSIAN

Egamova Mastura

Teacher Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan

ANNOTATION

The article substantiates the relevance of referring to the latest achievements in the field of translation studies, as applied to translations of concepts. The axiological concepts "duty and conscience" are considered as system-forming units, as dominants of the work. As a unit of M. Dost's artistic picture of the world, they reflect the individual author's understanding and figurative embodiment of the essence of the "man of the earth" through the representation of the concepts of "duty / conscience". Dynamic translation assumes the "concept deployment" technique, which is illustrated in a number of translation situations.

KEY WORDS: *translation-dynamic system, concepts "duty and conscience", situation, conceptological analysis, concept "man of the earth", discourse, intercultural competence, mentality.*

Современные исследователи в области переводоведения (Л.В.Кушникова, Н.К.Гарбовский, Н.Г.Коршунова, К.И.Леонтьева, Ю.П.Сологуб, Ш.С.Сафаров и др.) выработали принципы и критерии, среди которых доминируют категория смысла, гармоничность в понимании смысла текста оригинала и перевода. Одной из главных проблем современного переводоведения является вопрос антропо-ориентированности: «...назрела необходимость создания теории перевода с истинно «человеческим лицом» антропо-ориентированность которой бы не просто декларировалась, а действительно реализовывалась» [8, С.149]. Называя переводчика «медиатором культуры», который в идеале знает язык, культуру, обычаи, ритуалы и т.д. А. Вержбицкая, Т.А.Фесенко и другие ученые подчеркивают, что «неотъемлемым свойством языковой личности переводчика является межкультурная компетенция, так как переводчик должен быть погруженным в культуру страны оригинала текста. Представляется важным акцентировать то, что русскоязычные переводчики, рожденные в Узбекистане, могут

«заглянуть внутрь текста и сформировать его индивидуальное видение», не нарушая образную составляющую текста оригинала, что доказывает перевод В.Коткина повести М.Доста «Кроткий Мустафа». Л.В.Кушникова подчеркивает главную, на наш взгляд, проблему значимости национальной культуры и сознания у автора и переводчика: «Переводчик преломляет смысл исходного текста таким образом, что он является носителем как национальной, так и иноязычной культуры, он создает собственную переводческую картину мира, которая формирует его сознание билингва» [7, С.86].

Повесть «Мустафа» входит в цикл произведений М.Доста «Галатепинцы». Повесть «Кроткий Мустафа» в переводе В.Коткина как бы сохраняет авторскую позитивную модальность, выраженную в гимне человеку труда, умеющему вкладывать душу в любое дело, создавать материальную красоту: «Конские потники, которые делает Мустафа славятся на всю округу... умеет мастерить крепкие седла для ослов, конские покрывала... шьет себе и жене мягкие кауши». [3, С.11] Мустафа, на наш взгляд,

является самым типичным представителем концепта «человек земли», при этом истинным галатепинцем. Он - труженик, хозяин своего сада и земли: «...сплошная живая изгородь. Этим и красив теперь двор Мустафы: войдешь – и глазам радостно» [3, С.7].

Автору необходим рассказ о занятости своего героя, кротости его характера, чтобы обосновать частотность концептов «долг/совесть» в разных пластах текста. Аксиологическая ценность данных концептов есть прямая аттестация личности М.Доста: «Своеобразие авторской личности проявляется как в системе характерных для него концептов (некоторые из которых становятся ключевыми), так и в средствах их репрезентации и способах приобщения к ним читателей... Однако не только фактор частотности ключевых слов оказывается важным, но и осознание их идейно-художественной значимости в тексте на основе использованной автором системы их эстетической актуализации. [2, С.467]. Поэтому считаем, что «идейно-художественная значимость» концептов была принята В.Коткиным за основу при переводе.

Во-первых, частотность употребления концептов проявляется в характеристике Мустафы другими персонажами, его жена первая отмечает: «...хоть бы, когда дурное слово сказал. Совесть, значит, есть у старика» [4, С.12]

Во-вторых, концепты отражают психологическое состояние и нравственную позицию: герою часто бывает «стыдно... просить совестно». Даже в молодые трудные годы мужчине на поле «было совестно показать свою слабость». Однако, даже друзья требуют от Мустафы твердости: «Да будьте вы хоть раз мужчиной... Чего вы стесняетесь?» [4, С.53]. Для самого героя критерием порядочности является совестливый человек. Л.В.Кушнина словно оценивая подобную работу, пишет: «...переводчик только тогда создает эквивалентный текст, когда «увидит его» как некое организованное целое, представит, «образует» тот образ текста, который обретет в тексте свою языковую объективацию» [6, с.21].

Отметим, как В. Коткин создает образ «кроткого Мустафы». Известно, что заглавие является «сильной позицией текста». Считаем, что типично русское определение «кроткий» может образно реализоваться в данной ситуации: «Мустафа со шкурой в руках молча направляется в дом. Голова у него опущена вниз, да и весь он будто уменьшился в размерах, грустный такой идет... Старуха удивленно взирает на него.

Мустафе стыдно, он старается не встретиться с женой взглядом. И старуха молчит. [3, С.16]

Мустафо бошини хам қилиб, терини уйга олиб киреди. Кампири унга ҳайрон бўлиб тикилади. Лекин Мустафо қўзларига қарамайди, уялади... Кампир ҳам индамайди. [4, Б.12].

Прямой репрезентации концепта «совесть» в подлиннике нет, но концепты могут быть выражены вербальными и невербальными средствами. Известны слова Ю.С.Степанова : «Концепт-это понятие с «расширением».

Номинативное поле концепта «совесть» в этой ситуации расширяет за счет тропа, действие и позы персонажа (опущена вниз, грустный идет, ...) Перевод стереотипа образно соответствует оригиналу, что допустимо в «гармоничном переводе». Принимая утверждение Л.В.Кушнина за основу «Перевод есть система транспонирования смыслов текста одной культуры в текст другой культуры», приведем в качестве примеров ряд ситуаций, которые можно определить, как проявление ментальности героя. Продуктивно для концептуального анализа выделить ситуации, в которых проявляются национальные особенности ритуала, контекстно называется концепт.

Первая ситуация центрирована на этническом представлении о долге отца и дочери: «Мустафа вдруг умрет, не простив дочери. Ведь это тяжко: лишиться благословения отца! Кем доволен отец, тем и сам аллах доволен. Не дай бог, если Мустафа умрет, так и не помирившись со своей дочерью. Та уже раскаялась во всем, живет, пришибленная позором. Это раньше она ходила с гордо поднятой головой, веселая, неприступная. Где теперь те времена!.. Похудела, осунулась, стала точно лучинка, в глаза людям не осмеливается смотреть... Еще четверо детей у нее, и о них думает, бедняга, боится, как бы проклятие отца не коснулось ее детей... [3, С.62].

Ота рози - худо рози. Агар Мустафо кизининг гуноҳидан кечмай кўз юмса, мундан баттари бўлмас. Қизи тавбасига таянган, илгариги керилиб юришлари қайда!.. Энди у гаплар йўқ, одамнинг кўзига тик қаролмайди, чўндай озиб кетган. Уёги турт-бешта чуғурлаган боласи бор, шуларни уйлайди. Отам рози бўлмаса, дуои бади шуларга урмасин, деб қўрқади. Хар келганда кампирга йиглаб тармашади. [4, Б.47].

Как видим, две цитаты имеют общий центр: традиционная мусульманская установка: Кем доволен отец, тем и сам аллах. Ота рози - худо рози.

Вторым центром считаем этническое понимание жизни в коллективе «в глаза людям

не осмеливается смотреть...», одамнинг кўзига тик қаролмайди.

Переводчик данного произведения не пошел по пути «простой эквивалентности и адекватности». Не нарушая образности, авторской пластики повествования, он работает с ситуацией, где-то чуть-чуть расширяя ее, внося корректный комментарий, дополняя ритуальный ряд. Расширить в переводе эмоциональную сторону текста, не изменяя сути, он вправе.

Можно согласиться с К.И.Леонтьевой, которая предлагает «семиотику перевода как перевода дискурса»: «семиотика дискурса заставляет нас рассматривать перевод как деятельность...но уже с позиций парадигмы «живого зрения», так как деятельность активной и пристрастной личности, в единстве индивидуального и социального, ментального, чувственного и телесного, во взаимодействии со средой, в которой он опосредует образ мира-достоиния этой личности» [8, С.150]

В.Коткину важно передать в тексте проявление национального мышления Мустафы, следование им этическим нормами жизни в кишлаке; поэтому каждый поступок герой сверяет с мнением окружающих, даже сватовство дочери: «Очень совестно было с первого же разу согласиться, вдруг люди подумают, будто Мустафа рад избавиться от своей дочери...» [3, С.29].

Бирда куда бўлайлик, деб эдим, лекин сиз кўнмадингиз. Мустафо қизи Санобарга Назар Махсумнинг совчи бўлиб келганини эслайди... [4, Б.21.] Учитывая частотность употребления концепта “совесть” для характеристики кроткого Мустафы, дополнительная прямая репрезентация в переводе не выглядит инородной.

В ситуации сватовства племянника Мустафы происходит как бы закрепление «ролей» (сваты, мать невесты, невеста) и соответственно тому отмечен поведенческий рисунок в рамках развития концептов «долг/совесть/стыд».

«Самого хозяина дома не застали, вышла его дочь, та самая, которую они решили сватать, вышла, позабыв всякий стыд, закричала: — Убирайтесь вон, я не собираюсь замуж. Мустафа повернулся было уходить, но мулла Данияр, добрая душа, его не пустил. [3, С.39].

Мустафе пришлось последовать за ним. Войдя во двор, они направились к маленькому супу. Она оказалась голой, без паласа. Хозяева даже не удосужились ведром воды смахнуть с

нее пыль, хотя и знали, что появятся сваты. [3, С.40].

Эртаси куни мулла Дониёр билан Мустафо Тилланинг уйига совчи бўлиб боришди. Тиллани топишолмади. Ҳалиги қизнинг ўзи пешвоз чиқди, шармни унутиб: “Кетаверинглар, менга эр керакмас”,- деб айтди. Мустафо ортига бурилиб, ҳовлидан чиқмоқчи эди, лекин мулла Дониёр қуймади. (б.30).

Мустафо ноилож унинг ортидан эргашиди. Келиб, уй олдидаги супага ўтиришди. Совчиларнинг хабари ўзларидан олдинроқ келган эди. Мустафо супага ақалли икки челек сув урилмаганини кўриб, тагин айтди..... [4, Б.31].

В данной сцене писатель подчеркивает, что материальные предметы могут стать в контексте ситуации для национального сознания знаковыми индикаторам «позитива или негатива».

Показателем неуважения и нарушением долга гостеприимства является не убранная супа. Очевидно, что В.Коткиным была проделана основательная предпереводческая работа над текстом оригинала, так как акценты на главные эмотивные центры им выделены: «...предпереводческий анализ текста включает лингвистический, литературоведческий, когнитивный, прагматический, культурологические аспекты. Концептуальный анализ и учитывает, и предполагает включение всех перечисленных аспектов» [1, С.20].

Если для узбекского читателя данный факт (не убранная супа) есть негативный индикатор неуважения к гостям, подчеркнутое «не гостеприимство», то переводчику необходимо акцентировать, развернуть знак в ритуал. Тот же самый прием «развертывание концепта» В.Коткин использует дальше в переводе этой ситуации: “Мулла Данияр был человеком ученым, не зря десять лет проучился в бухарском медресе, он умел говорить с людьми, помнил все обряды, знал, когда как надо поступать. Он развязал узелок со сладостями и двумя лепешками. Но жена Тилло тоже была не дура, она знала: отведать хлеба другого, значит, во веки веков быть у него в долгу. Она принесла свой дастархан и разломала свою лепешку. [3, С.40].

Мулла Дониёр мадраса кўрган одам эди, расмини қилиб, белбогига ўралган иккита нонни ўртага қуйди. Лекин Тилланинг хотини ”ўзининг дастурхонини келтириб, ўзининг нонидан ушатди. [4, Б.31]. В.Коткин разворачивает ситуацию, дополняя эмоциональные и модальные оценки персонажам, судя по их поступкам: “Давай

разломим теперь эту лепешку, и пускай одна ее половина останется у твоей дочери, а другую мы возьмем с собой и отнесем к будущему жениху... [3, С.40].

...“*Қизинга нон синдирсак Ойпарча.....*” [4, Б.31].

В данной сцене писатель подчеркивает, что материальные предметы могут стать в контексте ситуации для национального сознания знаковыми индикатором «позитива или негатива». В.Г.Зусман справедливо пишет: «Национальный культурный мир не открыт иностранцу, который видит в чужой национальной культуре лишь поверхностные явления» [5, С.40].

В.Коткин уточняет и расширяет в тексте оригинала «культурный модус», чтобы его значение было адекватно принято при переводе.

Показателем неуважения и нарушением долга гостеприимства является необузданная супа. Вторым материальным показателем нарушения традиции являются два дастархана. Сваты принесли свой дастархан со «сладостями и двумя лепешками». Мать невесты знает, что «ответить хлеба другого, значит, во веки веков быть у него в долгу» [3, С.40], поэтому она разломилась свою лепешку.

В этом же плане подчеркнута национальная традиция поведения девушки перед сватами. Переводчик использует логично слово из номинативного поля концепта «совесть»: «Ты хоть немного устыдила бы свою дочь, — попросил мулла Данияр. — Научи ее, чтоб не показывалась она при сватах-то. Должна же невеста немного робеть перед сватами!.. [3, С.42].

“*Қизинга айт, Ойпарча, - деди мулла Дониёр. – Совчи турган жойда кўп турмасин, биздан сал уялсин...*” [4, Б.31].

В примирительной речи Мустафы звучат традиционные прогнозы идеальной свадьбы: «позовем все одиннадцать кишлаков вокруг Галатепе». Нарушение всех этических норм поведения мгновенно становится достоянием общественности, исключением данной семьи из коллектива: «...пять лет просидела в родительском доме. Не только свои, но даже из тех одиннадцати кишлаков вокруг Галатепе никто не пришел ее сватать... Кроме отца с матерью, никто из галатепинцев не поехал на ее свадьбу» [3, С.43].

М.Дост создает ряд эпизодов, поведение в которых характеризует Мустафу как человека долга и совести, даже по отношению к классовому врагу. Приказ похоронить курбаши формально выполнен, но «...ему стало жалко

Акбаша, ведь того даже не омыли, не отпели, бросили в яму...» [3, С.33]. Вновь концепт «долг» совестливого человека В.Коткин не вербализует, но все действия Мустафы не только дают все этапы его следованию мусульманскому обряду, но и выполнения человеческого долга в противовес социальному: «Мустафа вернулся к рабату, выкопал рядом новую могилу, глубокую с широким сводом сбоку... обложил холмик камнями, потом даже прочитал аят, стоя у могилы на коленях» [3, С.33]. Так же воспринимается концепт «совесть», которую переводчик передает индосказательно как «муки совести»: «долго-долго не мог забыть...ему все казалось, будто он поступил с мертвецом не так, как полагается» [3, С.33].

Сўнг Мустафога кетмон бериб, Оқбошни кўмасан деб буюрди. Мустафо ноилож кўнди, ўликни эски кигизга ўраб, эшакка ортиди-да, қабристонга борди, лекин мазорнинг мутасаддиси Карим Ғалча оёғини тираб туриб олди. “Элдан чиққанни қайтиб элга кўймайман”, деб айтди. Мустафо кўрбошини Қизилтошга элиб кўнди. Ташиландиқ работнинг чеккасидан гўр қазиди, ўликни кўйди, устидан тупроқ тортиб бўлиб, ўйлади: “Тагин келган бир жондор гўрни очса нима бўлади, ҳарна бўлсаям одам-ку!..” Мустафо удумини қилди: гўрни яхишлаб шиббалаб, атрофда ётган тошлардан келтириб, устига бостирди.

Оқбошни кўмгани кўп вақтларгача эсидан чиқмай юрди, кейинроқ, ўликни ҳамқишлоқлари қазиб олиб кетганини эшитиб, кўнгли сал осойиш топди. [4, Б.24].

Как видим, В.Коткин не нарушая информационное поле перевода, адресно для русскоговорящего читателя, расставляет правильные акценты в действиях Мустафы. Достаточно обратить внимание на два синонима могилы, но с разным эмоциональным наполнением: “бросили в яму” и “новая могила”, сделанная по всем правилам.

Отметим, что концепт «совесть» в повести «Кроткий Мустафа» встречается часто, подчеркивая психологическое состояние героя, порой синонимически близкими понятиями. Считается, что концепт «стыд» входит в концептуальное поле «совести»: ««Она стыд потеряла» [3, С.58] или «...из-за нее столько лет выпрямиться не могу, смотреть людям в глаза стыдно» [3, С.62].

Автор в конце повести дает еще две разновидности концепта «долг», отражающее национальное мировоззрение человека, живущего в коллективе. В.Коткин создает

невербализованный концепт «долг» жителя перед односельчанами: «...иногда со стариком Хуччи и Ибадулло Махсумом ходит на свадьбы или на похороны, но все это, как говорится, дань тому, что ты человек и живешь среди себе подобных. [3, С.31].

Баъзиди Ғуччи чол билан Ибодулло Махсумга қушилиб, қишлоқнинг тўйига боради, азасига боради, ўзи ҳам бир узру баҳона билан элга ош улашади. Лекин буларнинг барисини қишлоқчилик, элчи чиқмасликнинг важдан. [4, Б.23].

Долг односельчан проведать «умирающего» Мустафу: «...Потом один за другим стали приходиться односельчане. Разные люди пришли. Все говорили о неизбежности конца, воздавали хвалы Мустафе, прощались и благословляли. Люди шли до самого вечера... [3, С.77].

Кейин қишлоқдошлар келди. Турфа одам келди. Ўлимнинг ҳақлиги муқаррар эканидан гапиришди. Мустафони мақташди, розилик тилашди. То кечгача одам узилмади. [4, Б.51].

Таким образом, в переводе данной повести «Кроткий Мустафа» используются концепты «долг/совесть/стыд» в их узусуальном значении, а также учитывая концептуальные элементы национальной культуры (традиции, ритуалы) в их «расширенном значении», вне вербализации. Обращаясь к терминологии В.Л.Кушниной, можно считать, что-«поле автора, отражающее модальный смысл, образующийся в предтексте», и «поле переводчика, отражающее индивидуально-образный смысл,» необычайно близки в художественном произведении на русском языке «Кроткого Мустафы». Согласимся с Л.В.Кушниковой: «Переводчик должен сознавать, что текст перевода принципиально не может быть идентичен тексту оригинала, он обладает иными качествами и становится столь же неповторимым и уникальным, как и сам оригинал.» (Кушникова,2014, с.19). Перевод В. Коткина данной повести является, на наш взгляд, примером синергетического перевода, когда раздвигаются границы «адекватности и эквивалентности», уступая место творческому, гармоничному и свободному процессу «транспонирования смысла».

Использованная литература

1. Александрович Н.В. *Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романов С.Фитсджеральда на русский язык).* М.: Флинта,2009,-184с. (Aleksandrovich

- N.V. *Kontseptosfera khudozhestvennogo proizvedeniya i sredstva yeye ob"yektivatsii v perevode (na materiale romanov S.Fitsdzheral'da na russkiy yazyk).* M.: Flinta,2009,-184s.).
2. Болотнова Н.С. *Филологический анализ текста.: Учебное пособие. -4 издание. -М.: Флинта,2009. -520с. (Bolotnova N.S. Filologicheskiy analiz teksta.: Uchebnoye posobiye. - 4 izdaniye. -M.: Flinta, 2009. -520s.).*
3. Дост М.М. *Кроткий Мустафа//Возвращение в Галатею. Повести. Рассказы. М.: Из-во Советский писатель 1987, с.7-87 (Dost M.M. Krotkiy Mustafa/Vozvrashcheniye v Galatepe. Povesti. Rasskazy. M.: Iz-vo Sovetskiy pisatel' 1987, s.7-87).*
4. Дост М.М. *Мустафа//қисса. Т; «Ёш гвардия» наириёти 1989, б. 7-61 (Dost M.M. Mustafa // issa. T; "Yosh gvardiya" Nashriyoti 1989 yil, b. 7-61).*
5. Зусман В.Г. *Диалог и концепт в литературе: литература и музыка//Нижний Новгород: ДЕКОМ,2001,-168с (Zusman V.G Dialog i kontsept v literature: literatura i muzyka//Nizhniy Novgorod: DEKOM,2001,-168s).*
6. Кушникова Л.В. *Концептуальные основания синергетики перевода// Введение в синергетику перевода. Монография. - Пермь.: Изд.-во Пермского национального политехнического университета,2014. - с.13-37 (Kushnina L.V. Kontseptual'nyye osnovaniya sinergetiki perevoda// Vvedeniye v sinergetiku perevoda. Monografiya. - Perm':. Izd.-vo Permskogo natsional'nogo politekhnicheskogo universiteta,2014. - s.13-37).*
7. Кушникова Л.В. *Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь: Изд.-во Пермского национального политехнического университета,2004. -163с. (Kushnina L.V. YAzyki i kul'tury v perevodcheskom prostranstve. Perm':. Izd.-vo Permskogo natsional'nogo politekhnicheskogo universiteta, 2004. -163s.).*
8. Леонтьева К.И. *Дискурсивный подход как вариант реализации программы антропоцентризма в теории художественного перевода// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота.2016 №1(55): в 2-х частях, ч.1., с 148-154 (Leont'yeva K.I. Diskursivnyy podkhod kak variant realizatsii programmy antropotsentrizma v teorii khudozhestvennogo perevoda// Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota.2016 №1 (55): v 2-kh chastyakh, ch.1., s 148-154).*
9. Фесенко Т.А. *К проблеме когнитивной модели текста//Филология и культура: материалы междунар. науч. конф. 19-21 октября 2005...Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина,2005. - С.32-35 (Fesenko T.A. K probleme kognitivnoy modeli teksta//Filologiya i kul'tura: materialy mezhdunar. nauch. konf. 19-21 oktyabrya 2005...Tambov: TGU im. G.R.Derzhavina,2005. - S.32-35).*